

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 101.1:316 (47+57) (091)

И. Н. Тяпин

Отражение установок социальной доктрины консерватизма в философии русской истории Н.М. Карамзина

Статья посвящена исследованию формирования философско-исторического компонента в составе социальной доктрины российского консерватизма. Доказано, что в основе теоретической деятельности Карамзина лежало стремление трансформировать учение классического Просвещения в провиденциалистскую теорию, обосновывающую естественность абсолютистско-клерикального строя.

Ключевые понятия: российский консерватизм, смысл истории, национальное сознание, социальная нравственность, миссия России.

Одной из примечательных тенденций в истории России второй пол. XVIII – нач. XIX вв. стало переплетение процессов становления исторического самосознания и складывания движения политического консерватизма. Теория общественно-исторического процесса, перерастающая в достаточно оригинальную философию истории, стала немаловажной составляющей российской консервативной социальной доктрины, основанной на принципах органицизма, аксиологизма и компаративизма. В ней было приведены в соответствие модернизированное историко-политическое наследие России эпохи Средневековья (теория «Москва – Третий Рим», политическая теория Московской монархии) и творчески переработанные социально-философские доктрины западноевропейского консерватизма (Ж. де Местр, Э. Берк, Л. де Бональд) с адаптированными элементами философии Просвещения и романтизма.

Уже у первых теоретиков российского консерватизма, к примеру М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, можно наблюдать стремление не столько к истории как науке, сколько именно к философии истории, где можно погрузиться в спекулятивное теоретизирование, увязав собственно исторический и политический аспект дискурса. Их теория истории делает попытки охватить основные формы материального и особенно духовного взаимодействия таких субъектов истории, как светская и церковная власть, элита и массы. При этом перечисленные субъекты в консервативном понимании оказывались составными частями гиперсубъекта – народа, «развертывание духа» которого из изначально заложенных оснований являлось, в свою очередь, звеном истории человечества. Примечательно также, что историческая составляющая социальной доктрины российского консерватизма с самого начала приобрела идеалистический, историософский характер (под историософией здесь понимается разновидность философии истории, признающая высший, объективный смысл исторической эволюции), о чем говорит признание

провиденциалистской природы закономерностей общественно-исторического развития, вынесение сути исторического познания за пределы исторических событий.

Историософия Н.М. Карамзина – сплав достижений и многовековой восточнославянской культуры, и представлений западноевропейских мыслителей, и специалистов-историков XVIII в. Ее появление можно считать следствием, с одной стороны, желания обосновать недопустимость революционного пути для человечества, а с другой – стремления развить русское национальное самосознание. Взгляды Карамзина на место и значение России во всемирной истории подвели итог оценкам и суждениям дворянско-консервативной мысли XVIII столетия, в определенной мере предстали в качестве концентрированного выражения господствующего мнения, но в то же время содержали в себе новые моменты, отражающие политические и философские реалии первых десятилетий XIX в.

Как известно, в 1790-е гг. Н.М. Карамзин прошел путь серьезной мировоззренческой эволюции от либерально-космополитических к консервативно-националистическим принципам. Результатом духовных поисков Карамзина стало желание стать в ряду основоположников философии русской истории, тем более, что борьба с Наполеоном обострила проблемы национального самосознания, места человеческой личности в обществе, роли России в Европе и мире. Уже в «Письмах русского путешественника» можно найти мысль, содержащую в зародыше будущее обращение автора к отечественной истории: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской истории, то есть, писанной с философским умом с критикою, с благородным красноречием» [6: 340]. Именовавший себя «философом-историком», Карамзин подошел к осознанию необходимости нахождения «философической методы для расположения предметов» в деле изучения богатой великими событиями российской истории. Он, как пишет Г.П. Макогоненко, стал одним из основных российских авторов, кто стал участвовать в общеевропейской борьбе мыслителей за новую философию истории, в которой совмещался философский подход к явлениям прошлого, владение научно-исследовательской методикой и литературные достоинства изложения [9: 4]. При этом на смену историческому мифу, отношению к отечественному прошлому как к источнику, питающему авторскую фантазию, пришел научно-философский принцип (что не исключало, естественно, некоторой идеологической заданности). Старина привлекла Карамзина как некая объективная данность, где главное – постичь внутреннюю закономерность и предопределенность исторических событий. Поэтому, к примеру, несмотря на теплившиеся в первые годы XIX столетия симпатии к образу жизни Новгородской республики, он рассуждал на страницах «Марфы-посадницы» о необходимости присоединения Иваном III Новгородской области для усиления России и неблагоразумном поведении сопротивлявшихся новгородцев [5: 576–582]. С этого времени и всю оставшуюся жизнь основным предметом философии русской истории для Карамзина будет являться эволюция монархии и ее

сущность, а целью – стремление доказать ее оптимальность и гармоничность для функционирования общества.

Наряду с вышеназванными целями философско-исторического познания Карамзин стремился понять особенности русского национального характера, формировавшегося в течение многих веков. Дух народа, по существу, выделен у него в качестве одной из двух равновеликих составляющие истории (вместе с характером власти). Здесь следует отметить, что самый термин «народ» у Карамзина не однозначен; он мог наполняться различным содержанием. Так, в статье «О любви к отечеству и национальной гордости» он обосновывает свое понимание народа-нации. «Слава была колыбелию народа русского, а победа – вестницею бытия его», – пишет Карамзин, подчеркивая самобытность национального русского характера, воплощением которого являются, по его мысли, знаменитые фигуры российской истории. Карамзин не делает здесь каких-то социальных разграничений: русский народ предстает в единстве национального духа, а его «правители» (к примеру, Ярослав Мудрый, Дмитрий Донской, Петр I) являются носителями лучших черт национального характера. Но, обратившись к внутренней, политической истории, истории России, Карамзин не мог миновать и иного аспекта в освещении темы народа – социального. Здесь народ выступает как противостоящая верховной власти «непросвещенная масса». Непросвещенная не только умственно, но и нравственно, поэтому туда входят не только «низы», но и «сильные», грабящие страну (потом этот – двойственный – подход к народу распространится в политологии и философии истории отечественного консерватизма, в наибольшей степени найдя выражение в работах К.П. Победоносцева).

В «Историческом похвальном слове Екатерине II», а затем «Истории государства Российского» и «Записке о древней и новой России» Карамзин на документальном материале начал утверждать и развивать свою историософскую позицию и принципы консервативной концепции. Как отмечает Л.Г. Кислягина, «если историческая концепция Карамзина раскрывает его политическую программу, то политическая дает ключ к пониманию его исторической концепции» [7: 134]. Иными словами, философия истории Н.М. Карамзина – манифест российского консерватизма, в котором впервые были сформулированы многие важнейшие положения консервативной идеологии. Соединяя наработки европейской методологии с фактическим материалом из родной истории, он разработал концепцию самодержавия, которое, в его трактовке, представляло собой исторически изменяющуюся форму государственности, способную постепенно эволюционировать с развитием просвещения и нравственного прогресса общества; государство выражает интенции общества.

Карамзин ясно декларирует свое понимание исторического времени, когда настоящее представляет собой итог предыдущего. Все результаты текущего устройства, по Карамзину, генетически определяются прошедшим. Явления необходимо рассматривать как результат эволюции прошлого. Прошлое, по мнению Карамзина, тот единственный источник, к которому надо обращаться для ответа на вопросы о текущей жизни человеческого общества. Поэтому применительно к российскому самодержавию Карамзин произвел некоторую коррекцию идеи божественного происхождения власти, наполнив

ее элементами теорий «естественного права» и «общественного договора». Заявив, что «...государь не менее подданных должен исполнять свои святые обязанности, коих нарушение уничтожает древний завет власти с повиновением и низвергает народ со степени гражданственности в хаос частного естественного права» [1: 42], он сформулировал консервативное определение самодержавия, противопоставляемого как историческая форма власти тирании и деспотизму.

Указанная выше трудность, заключающаяся во владении методологическим подходом при отсутствии фактов, которыми можно было бы оперировать, привела Н.М. Карамзина к стремлению не просто написать Историю России, но «встроить» ее в контекст общемировой. Как пишет А.Н. Сахаров, «Карамзин окидывал мысленным взором не только все движения российского общества, но и постоянно держал в уме историю России как часть европейской и общемировой истории, которая для него была единым целым, лишь проявляющимся специфично в отдельных странах» [10: 446]. Так, для Карамзина Россия всегда представляла в виде державы, которая «величественно возвышала главу свою на пределах Азии и Европы». Рассказывая о введении христианства на Руси, он подчеркивал, что оно укоренилось почти одновременно с соседними землями. Феодальную систему в России историк относил к «государственной общей язве времени». Ивана III он считал героем не только российской, но и всемирной истории. Наиболее явно стремление Карамзина вписать историю России в контекст общемировой выражается в систематическом выдвигании отечественных государственных деятелей в качестве национальных аналогий западным образцам (причем аналогий подчас весьма натянутых). «Говорят, – пишет консервативный мыслитель, – что наша История сама по себе менее других занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант... У нас был свой Карл Великий – Владимир; свой Людовик XI – царь Иоанн; свой Кромвель – Годунов и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в истории человечества» [6: 340]. В дальнейшем это позволило мыслителю на собственном уникально-национальном материале доказывать необходимость формирования настоящего логикой исторического прошлого, используя и развивая тезис о настоящем как разворачивании проекта прошлого, а также выделить события, вехи и периоды российской истории, имевшие всемирно-историческое значение.

В историческом движении народов Карамзин видел «какое-то согласное течение мирских случаев к единой цели... связь между оными для произведения какого-нибудь действия, изменяющего состояние рода человеческого» [4: 210]. При этом он не претендовал на проникновение в общий смысл мирового хода событий («Судьба людей и народов есть тайна Провидения, но дела зависят от нас единственно». «Ничто не происходит без воли Всевышнего, неисповедимыми путями ведущего тварей к лучшему концу»), что соответствует теоцентрическому христианскому миропониманию.

С этих позиций Карамзин решал вопрос об основных земных субъектах мировой истории. Отношение его к народным массам, как уже отмечалось, сформировалось еще в ранний период и нашло выражение в сентименталистических художественных произведениях и «Письмах русского

путешественника». Тогда же он провозгласил: «Предадим, друзья мои, предадим себя во власть Провидению: оно, конечно, имеет свой план; в его руке сердца государей – и довольно» [6: 310]. Десятилетие спустя, в «Историческом похвальном слове...» он пишет: «Зерцало веков, История, представляет нам чудесную игру таинственного Рока: зрелище многообразное, величественное! ... Но что более всего пленяет внимание мудрого зрителя? Явление великих душ, полубогов человечества, которых непостижимое Божество употребляет в орудие Своих важных действий. Сии любимцы Неба, рассеянные в пространствах времени, подобны солнцам, влекущим за собою планетные системы: они решают судьбу человечества, определяют путь его, неизъяснимою силою влекут миллионы людей к некоторой угодной Провидению цели, творят и разрушают царства; образуют эпохи, которых все другие бывают только следствием; они, так сказать, составляют цепь в необозримости веков, подают руку один другому, и жизнь их есть история народов» [2: 276–277]. Иными словами, Божественная воля управляет историческим движением народов через великих личностей, что явно восходит к учению Д. Вико, а еще ранее – традиционному христианскому провиденциализму.

Ссылками на Провидение будет наполнена затем вся «История государства Российского». Так, результатом Божественного провидения явилось, по мнению Карамзина, образование русского централизованного государства при юном князе Дмитрие (Донском): «... государство успело бы между тем погибнуть, если бы Провидение не даровало Димитрию пестунов и советников мудрых, воспитавших и юного князя и величие России» [3: 186]. Провидение же «назначило России быть долговечною», пережив монголо-татарское иго. Даже по поводу современных ему событий Александровского правления – народных волнений в связи с неудачными государственными реформами Карамзин пишет: «Бог защитил нас» [1: 70]. Великие личности должны осознать свою «нравственную функцию». Вот почему, создавая трагические, по своей сути, характеры царей-тиранов Ивана Грозного и Бориса Годунова, он судит их с позиций высшего нравственного закона. А в крупных социальных конфликтах («мятежи», «бунты») Карамзин – современник и свидетель Французской революции – с одной стороны, стремится уяснить объективные причины народных движений (злоупотребления власти, климатические катаклизмы и др.), а с другой – усматривает в них некий провиденциальный смысл, карающую волю «Всевышнего», одновременно лишая народ права на мятеж против власти и снимая с него вину за сопротивление властным злоупотреблениям. Карамзин подчеркивал, что в проявлениях скрытого от людей замысла Провидения историк может видеть лишь действия разных и непохожих друг на друга народов, но никак не должен судить о том, кто лучше и кто хуже, так как «сие мудрствование несвойственно здравому смыслу человеческому». В духе Вико он, по сути, отказывается решать вопрос о том, в каком смысле люди «делают» свою историю, в чем заключается хотя бы условная их свобода и где ее границы.

При этом исследователями давно замечено на первый взгляд парадоксальное отсутствие у Карамзина сколько-нибудь выраженной концепции церкви как субъекта земной истории. В «Истории государства

Российского» религии и «церковным делам» уделено довольно скромное место. Хотя Карамзин неоднократно высказывал свое представление о необходимости религии, или как он предпочитал говорить, веры, отмечая значимость деятельности православной церкви для укрепления духовного единства народа, ценя в русской истории примеры служения вере, а не церковно-иерархическим интересам, речь у него шла, в сущности, только о необходимости религиозных институтов для становления и укрепления государства и гражданского общества. Рассуждавший о «воле Провидения», он весьма скептически относился к зафиксированным в летописях и других исторических источниках «чудесам», приводя их не из-за фактического существования, а как свидетельство народного умонастроения, систематически критикует суеверные объяснения событий [11: 268,274]. Видимо, сохранив в глубинах сознания просветительско-масонское отношение к религии – предпочтение «Веры просвещенной» стандартному обрядоверию, мыслитель признавал Божественную волю только за «естественными» событиями, в опосредованном виде. Карамзин представил свою концепцию российской истории как историю формирования и развития светского государства и его управления обществом, в чем православная церковь сыграла немаловажную роль.

Характер взаимодействия власти и общества, объединенных системой нравственных принципов, составляет основное содержание главных исторических произведений Н.М. Карамзина и является определяющим в способах построения исторической временной шкалы. Периодизация российской истории, осуществленная Карамзиным, стала выражением и непосредственным доказательством главного, по его мнению, исторического закона – закона об определяющем характере социальной нравственности для эволюции общественно-политического устройства. Выделяя пять этапов отечественной истории: 1) формирование государства; 2) феодальная раздробленность; 3) складывание централизованного государства; 4) Московская Русь; 5) Россия Нового времени, Карамзин сделал каждый из них иллюстрацией к одной из концептуальных идей своей историософии. Это соответственно изначальное принципиальное отличие России и Запада, вытекавшее из будто бы добровольного установления самовластия; отсутствие в социальном строе России зачатков будущих общественных или политических конфликтов; возможность включения России в трудный процесс достижения нравственного прогресса – выражения высших нравственных ценностей в рамках национальной культуры и национального самосознания; упущение исторического шанса гармонического соединения традиции и новации, народного духа и общечеловеческих достижений культуры из-за неправильной направленности реформ Петра I, приведших к деградации национального сознания, разрыву гармонии светской и церковной власти, культурному расколу элиты и народа, появлению, так сказать, двух противоположных субкультур в едином организме; наконец, поступательность исторического процесса, невозможность рецидива тирании после того, как деспотическое самодержавие превратилось в просвещенную неограниченную монархию, а в высших сословиях исчез «дух рабства». В целом в периодизации отечественной истории в основных карамзинских сочинениях проявляется стремление обосновать идею непрерывности исторического

бытия Русской земли (географического и культурного пространства, общества и власти), рассматривать ее историю как непрерывное, хотя и тяжелейшее становление великой страны, занявшей свое особое место в ряду других государств мира.

Как историкософ правление Александра I Карамзин рассматривал в аспекте смысла истории и ее закономерностей. Детально анализируя суть и последствия реформ первых лет нового столетия, а также готовившиеся проекты новых реформ, он подчеркивал недопустимость игнорирования национально-исторических традиций, особенностей общественно-политического организма, «ибо к древним государственным зданиям прикасаться опасно. Россия же существует около тысячи лет и не в образе дикой Орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых уставах, как будто бы мы недавно вышли из темных лесов американских! ... Если История справедливо осуждает Петра I за излишнюю страсть его к подражанию иноземным державам, то оно в наше время не будет ли еще страшнее?» [1: 68]. Мыслитель, видя несовершенство земной жизни и осознавая пределы прогресса, невозможность создания «рая на земле» и постановки данной цели в качестве смысла истории, восклицал: «Где, в какой земле Европейской блаженствует народ, цветет правосудие, сияет благоустройство, сердца довольны, умы спокойны?!» [1: 68].

Исходя из результатов анализа событий российской истории начала XIX в. Карамзин сформулировал основной принцип философско-исторического органицизма. По его мнению, «державы, подобно людям, имеют определенный век свой: так мыслит Философия, так вещает История. Благоразумная система в жизни продолжает век человека, – благоразумная система Государственная продолжает век государств; кто исчислит грядущие лета России?» [1: 131]. По сути, здесь выражена мысль, которая затем станет одной из основных в историософии К.Н. Леонтьева: зрелый российский организм в зависимости от характера либо сохранится и омолодится, либо ускорит свой конец до срока, увеличив темп неумолимого исторического времени. По мнению В.О. Ключевского, «в спорах о лучшем образе правления для России он <Карамзин – И.Т.> стоял на одном положении: Россия прежде всего должна быть великою, сильною и грозною в Европе, и только самодержавие может сделать ее таковою. Это убеждение... Карамзин превратил в основной закон исторической жизни России по методу опрокинутого исторического силлогизма: самодержавие – коренное начало русского государственного современного порядка: следовательно, его развитие – основной факт русской исторической жизни» [8: 277].

Таким образом, содержательная часть зрелых произведений Н.М. Карамзина дает основание говорить о его концепции как о стройной системе исторически обоснованных положений консервативной идеологии. Синтез политических принципов самодержавия и гуманистических идей Просвещения трансформировался у него в социально-философскую систему, содержащую в себе как идею абсолютной власти, так и христианско-нравственные ценности, главными чертами которой являются антиреволюционность и «рациональный» антиевропеизм. Будучи основоположником философии истории российского консерватизма, Карамзин изжил в своем мировоззрении многие положения исторических построений

Просвещения, в первую очередь, веру в предустановленность социальной гармонии, но в какой-то степени остался в рамках просветительской идеологии. Поэтому суть карамзинской философии истории является двойственной. С одной стороны, здесь осуществлен отход от метафизики Просвещения в пользу диалектического взгляда на исторический процесс как борьбу противоположных идей и практических устремлений. С другой стороны, в рассуждениях Карамзина явно проглядывало стремление свести суть вопроса о смысле истории к идее «снятия» противоположностей и торжества «абсолютных» принципов.

Заслуга Карамзина состоит в постановке вопроса о соотношении государственности и народности, трактуемой как идея национальной самобытности, раскрывающейся в ходе исторического развития. Отсюда вытекает тезис о невозможности одинакового восприятия мировой истории народами, живущими в разных социально-экономических и культурных условиях, а также неприятие произвольного обращения с историческим наследием. Карамзин не отделял Россию от общеевропейской цивилизационной системы, однако отводил ей в этой системе совершенно особое место. Став первым отечественным мыслителем, творчество которого полностью подчинено одной, определяющей все остальные, проблеме, – познанию России, он сформулировал положение о том, что главной составляющей всемирно-исторического процесса является антитеза Россия – Запад, в которой сфокусированы политические и религиозно-нравственные противоречия человечества.

Список литературы

1. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – СПб.: Тип. А. Дресслера, 1914.
2. Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II / Н.М. Карамзин // Соч.: в 3 т. – Т.1. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1848. – С. 275–380.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского: В 3-х кн., 12 т. Кн. 1. – Т.4. – М.: Книга, 1988.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн., 12 т. Кн. 2. – Т. 6. – М.: Книга, 1989.
5. Карамзин Н.М. Марфа-посадница, или Покорение Новагорода / Н.М. Карамзин // Избр. соч.: в 2 т. – Т. 1. – Л.: Худ. лит., Лен. отд., 1984. – С. 543–583.
6. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – М.: Правда, 1988.
7. Кислягина Л.Г. Формирование идеи самодержавия в политической концепции Н.М. Карамзина // Вопросы методологии и истории исторической науки. – Вып.1. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – С. 134–156.
8. Ключевский В.О. Н.М. Карамзин / В.О. Ключевский // Соч.: в 9 т. – Т. 7. – М.: Мысль, 1989. – С. 274–280.
9. Макогоненко Г.П. Из истории формирования историзма в русской литературе // XVIII век. – Сб.13. Проблемы историзма в русской литературе, конец XVIII – начало XIX в. – Л.: Наука, Лен. отд., 1981. – С. 3–65.
10. Сахаров А.Н. Уроки «бессмертного историографа» / Н.М. Карамзин // История государства Российского: в 12 т. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. (Приложения). – С. 415–460.
11. Серман И.З. Литературное дело Карамзина. – М.: РГГУ, 2005.

